

Сергей Ковалев Матфей. Мытарь

<http://lib.rus.ec/b/188930>

Сергей Ковалев Матфей. Мытарь

Я люблю вокзалы.

Пребывание в пути — естественное состояние для меня, а вокзалы... вокзалы — бриллиантовые подвески на золотых цепях моих путей, как написал бы я когда-то. Увы, изменились времена, язык, сами вокзалы, неизменной осталась лишь моя любовь к этим малым вавилонам, средоточиям сильных эмоций и странных поступков.

Это благословенные пажити земные, и как усердный мытарь обхожу я их, не упуская ни столичных многоэтажных комплексов, ни Богом забытых провинциальных полустанков.

Снег идет здесь второй день и железнодорожную платформу безымянного подмосковного городка покрывает уже изрядный его слой — некому убирать. Впрочем, безымянен он лишь для меня — достаточно сделать пару шагов, что бы прочесть название станции на билетной кассе. Я этого не делаю — мне безразлично, как называется город. Час назад я сошел на конечной остановке одной электрички, скоро подойдет другая, на которой я уеду.

Весь этот час я простоял на платформе. Мне некуда и незачем идти — люди сами приходят ко мне. На самом деле, они уже здесь. Я закрываю глаза...

Олег. 30 лет. Коммерческий директор.

«Господи, скука-то какая! Еще целых полчаса ждать. Угораздило же согласиться на эту поездку. Рождество на даче! Здравствуй, как говорится, жопа — Рождество! С другой стороны — сам виноват, не надо столько пить. Знаешь ведь, что дурным становишься. Чего сорвался? Скучно, блять, тебе стало? А по лесу через сугробы — не скучно? Где теперь эту дачу искать? Хорошо хоть к городу вышел... как его... да и хуй бы с ним, не помню... мог ведь и в лесу замерзнуть реально, хоть и мороза особого нет, а в легком пальто да городских туфлях ласты склеил бы запросто. Главное, мобильник где-то на даче остался. Или я его вместе с бумажником посеял, пока по лесу шарахался? Вот это будет подстава — всем подставам подстава. Деньги-то ладно, а вот мобила со всеми контактами... Зато два дня и впрямь пролетели незаметно, как Жорик и обещал. Сейчас доберусь до дома, в душ, переоденусь, возьму бабла и... и... В «Метелицу»? На той неделе был уже... Скука там... В клуб? Там никого знакомых сегодня не будет и... тоже скука. Хреновы праздники, быдло квасит — ему в радость, а мне что делать? Можно, конечно, Зервану дозвониться, прикупить дури и выпасть из реальности. Или блядей заказать... Не, бляди — это тоска... Йопт!!! Ты только посмотри на эту девченку!!!»

Я подбираю челюсть. Девочка высший класс. Красавица. Причем — натуральная, я не вижу на ее лице стандартной «охотничьей маски» из косметики. Наоборот, кажется, она специально старается быть некрасивой, не накрасила губы, густые брови не тронуты пинцетом, ни теней, ни накладных ресниц... Похоже, она южных кровей и очень молода, они там рано стареют и дурнеют, но в этом возрасте — настоящая... как там у них... настоящая пери.

— Извините, это не самый оригинальный способ знакомства, понимаю. — Скалюсь самой располагающей своей улыбкой, виновато развожу руками. — Но вы так прекрасны, что я не в силах придумать ничего оригинального...

Айшат. 18 лет. Студентка.

«Ну вот, опять... Неизбежные слова, интонации. Этот еще более-менее симпатичный и не такой наглый, как остальные.

Красивая... Я знаю. Нужна она мне — красота эта? Меня кто-нибудь спросил? Как меня еще в школе достали все эти ценители красоты!

Сколько надежд было, когда родители решили отправить в Москву учиться! Страшно, конечно, но — единственная возможность вырваться из того мрачного сарая, которым виделась жизнь в нашем городке. Да и Мурат тоже ехал поступать — брат, защитник, хоть и на год всего старше, но — мужчина, будущий глава семьи. Спекся Муратик, года не прошло, ничто его уже не интересует, кроме герыча. Сестру под любого уложит, кто ему на дозу отстегнет. Москва — она такая, кого угодно разжует, проглотит и... вот и получилось, что уехала из одного сарая в другой, только что украшенный яркими лампочками. Знали бы родители... а ведь узнают! Теперь точно узнают — вот ужас-то в чем! Алибек, жирная скотина, глаз положил, когда на каникулы домой приезжала. И ведь ничего ему отец поперек сказать не посмеет — глава клана. А что Алибеку пятьдесят, так это традиции даже одобряют. Старый пердун! И ни куда не денешься. В Москве никого, кроме торчка-Мурата, никто не спрячет, соседки по общежитию в лицо улыбаются, а за спиной... Была бы толстухой лупоглазой, как старшая Марьям, или кривоножкой усатой, как Разият — и Мурату торговать нечем было бы, да и Алибек не позарился бы на такое «сокровище». Одно осталось — посмотреть, как его перекосит, когда поймет, что цветочек-то до него уже другие пчелки опылили. Пусть убивает потом — все равно это не жизнь. Родителей только жаль — позор на весь город...»

Я отрицательно качаю головой:

— Меня не интересуют знакомства, извините.

Ловлю на себе взгляд бритоголового парня в камуфляжных штанах, высоких ботинках со шнуровкой и армейском бушлате. Солдат? Да нет, не похож — нет погон на бушлате, в руке бутылка пива, да и выглядит... ну не как солдат он выглядит. А в глазах — ненависть. Невозможно ошибиться — такая яростная ненависть у него в глазах. Но почему? Мы ведь незнакомы...

Лёха. 25 лет. Электромонтер 5 разряда.

«Сучка нерусская!!! Ненавижу!!! Как же я всех вас ненавижу! И тебя, и хахалю твоего — пизона холеного. Суки, продали Россию, сидите себе в офисах, бумажки перебираете, на компьютере играете. За что ты такие деньги гребешь, гад? Что ты руками делать умеешь? Сможешь ты, падла, приводы на дизеле перебрать на морозе? Без перчаток своих кожаных, когда пальцы к железу липнут? Хуй там, ты и в армии-то не был — точно, откосил ведь, я таких сразу вижу. Сидел здесь под крылом у мамочки, девок трахал и водку пил, когда меня старшина по плацу, в полной выкладке, по пластунски... Братаны насмерть с чехами резались, а ты, гад, черномазую сучку тут ублажаешь!!! Конечно, давай, давай, вороти от меня морду свою — у меня нет столько денег, что бы на твои прихоти хватило. Привыкла, что тебе мужики под ноги все бросают... А мне что бросать? Зарплаты только на раз в бильярд сходить. И Анька, шлюха та еще — не будет колечка, не сводишь на дискотеку — иди дрони один в уголке. Суки, все вы одинаковые...

Крути, крути жопой, пока можешь. Ярополк правильно говорит — скоро мы вас всех выметем поганой метлой из России. И хачиков, что у нас работу отнимают, и шлюх ихних. А бездельников из офисов на улицы — снег сгребать... А таких как ты сучек гладких — мы их не выгоним, нет, мы их будем сами мять, не посмеете тогда презрительно морду кривить ...»

Я глотнул пива и не почувствовал вкуса от злости. Скажете — какой там у «Балтики» вкус, мочи что ли? А надо брать «девятку» — у нее и вкус и градус... Холодно, конечно, пиво по такой погоде, но водяру в одиночку хлестать — что я, синяк что ли? Да и дела у

меня еще важные — на собрание еду. Будем обсуждать, как власть в России сделать такой, что бы мы, русские, от нацменов унижения не терпели и что бы работали все, а не по офисам груши околачивали...

Олег. 30 лет. Коммерческий директор.

— Да уж, во вкусе тебе не откажешь. Настоящая пери.

— Э-э-э... — я обернулся в растерянности.

— Матвей. Матвей меня зовут. — Высокий, представительный, в дорогом костюме и пальто... откуда я его вообще знаю?... улыбается идеальной металлокерамикой, пахнет каким-то изысканным парфюмом...

— Ну, брат, тебе надо завязывать. — Матвей понимающе подмигивает. — Мы на даче познакомились. Ты сказал, что если уж прожигать жизнь, то не так уныло. Вот мы и ушли.

— Да... кажется... — никак не могу вспомнить как мы с ним познакомились, и по лесу я вроде шел один. — А ты, значит, знаешь как убить время?

— Конечно. — Он улыбается. — Меня достаточно только попросить.

Айшат. 18 лет. Студентка.

— Нехороший человек, ты правильно сделала, что отказалась знакомиться с ним.

Я оборачиваюсь. Он стоит в шаге позади меня. Высокий, в темном костюме, длинном пальто и шляпе. В тени от ее полей видно изборожденное глубокими морщинами мудрое лицо. Старик. Опирается на трость. Откуда я его могу знать? Он из наших соседей?

— Ты совсем запуталась, дочка. Неверные ценят только внешнюю красоту, и ты научилась от них гордиться... Молчи! — он повелительно взмахнул рукой. — Ты себе можешь врать, но тебе нравится быть красивой. Нравится ловить восхищенные взгляды, кокетничать...

— Это не так! — я чувствую, что на глаза наворачиваются слезы. — Раньше... да, наверное. А теперь мне от этого только неприятности! Я не хочу быть красивой!!!

— Ну, успокойся, успокойся... — старик ласково касается моих волос рукой. — Меня достаточно только попросить.

Лёха. 25 лет. Электромонтер 5 разряда.

— Вот гады, а?! Как у себя дома! Еще трахаться бы при всех начали!

Я оборачиваюсь, чуть не выронив бутылку. Как он подошел так неслышно? Ну да не страшно — это же свой! В таком же, как у меня, камуфляже, лицо смутно знакомое — похож на актера из кино про шоферов-дальнобойщиков. Располагающее такое, простое русское лицо. И руки — сразу видно, привык работать руками. Как же... черт... совсем вылетело из головы как его зовут! Вот позорище! Надо завязывать с бухлом...

— Матвей. — он угадывает мои затруднения. — Да не парься, мы на собрании «Русского Меча» встречались, но не познакомились.

— Лёха. — я отвечаю на пожатие. Протягиваю «Балтику» — Будешь?

— Нет. — Его взгляд становится суровым. Совсем как у Ярополка. — Не время сейчас пить. Ты не понимаешь разве, это же они нас спаивают!

Он кивает в сторону «сладкой парочки». Я чувствую, что краснею.

— Но что я могу? — и сам понимаю, как жалко звучат мои слова. — Противно на все это глядеть — сил нет! Но что я один могу? Да пусть и не один. Вот мы едем на собрание, нас там много будет, будем много говорить... Потом разойдемся и все. А пора уже не говорить, пора морды бить! Эх, сильного вожака нет!

— Сильный вожак... — Матвей бросает на меня острый взгляд. — Сейчас у людей есть свобода, при сильном вожаке ее будет меньше. Или совсем не будет.

— Свобода? И где она у меня? Это у них вот свобода. — Я с отвращением смотрю на парочку. — А мне — она мне не нужна.

— Меня достаточно только попросить. — улыбается Матвей. Он подталкивает меня к пижону: — Пойдем, покажем кто здесь хозяин.

Олег. 30 лет. Коммерческий директор.

Гоблин в армейском прикиде — то ли охранник, то ли просто нет бабла на приличные шмотки — некоторое время поедавший нас с девочкой мутным взглядом, отлепился от перил и заковылял в мою сторону. Начинается... и ментов, как назло, не видно...

— Ты... — по пустому серому лицу отчетливо видна судорожная работа невеликого ума. — Закурить дай.

— Не курю, — даже если бы не забыл на даче сигареты. С такими лучше не поддерживать разговор — прилипнет, не отвяжешься.

— Ну, хоть пьешь? На! — в протянутой руке полупустая бутылка пива. На горлышке отчетливо видны остатки слюны. Меня передергивает.

— Не хочу, спасибо.

— Брезгуешь? Что, сука, не уважаешь?

«— Какая пошлость...» — успеваю подумать я, прежде чем провалиться во тьму.

Айшат. 18 лет. Студентка.

Когда мелкий парень нетвердой, но целеустремленной походкой подошел к нам, я сразу почувствовала плохое. Он попросил закурить, но ясно было, что ему вовсе не нужны сигареты. Мужчина, клеивший меня, тоже испугался, но пытался не подать виду. Что он ответил, я не расслышала, но это и не важно — парень в камуфляже уже все заранее решил для себя, и любые ответы ничего не изменили бы. Он ударил мужчину в лицо так сильно, что бутылка разбилась, и тут же последовал еще один удар — острыми осколками в горло. Мужчина упал на колени, медленно завалился на спину, и вокруг его головы невероятно быстро растеклось темно-алое. Так страшно мне еще ни разу не было. Я не смогла даже закричать, когда убийца повернулся ко мне, сжимая окровавленное стекло.

Лёха. 25 лет. Электромонтер 5 разряда.

— Ну что, сучка, что же ты не убежала?

Такого кайфа не словишь ни от бухла, ни от ебли, ни от травки. Я чувствовал себя богом — не меньше. Эта маленькая черномазая дрянь раньше и не посмотрела бы на меня. Попробуй я к ней подкатить на дискотеке — облила бы презрением, отшила бы парой фраз, как они умеют, так что потом от стыда в туалете блюешь. Ну, где же твой острый язык? В жопу втянуло?

Как я ненавижу твою гладкую кожу, которой мне никогда не коснуться, твои губы... губы, которые целовать таким, как я, не придется никогда, глаза, испуганные, остекленевшие, но все равно — господи, какие же у тебя глаза!!! Ненавижу!!!

— Сучка!!! — я ударил ее «розочкой» в лицо, повалил на снег и стал пинать, я хотел услышать как она закричит, но она почему-то молчала. Она даже не стонала — от страха, наверное. Я наступил ей на лицо, чувствуя, как хрустнул под каблуком нос... Теперь ты моя, только моя и уже ничьей не будешь, теперь мужики будут смотреть на тебя только с жалостью!

Матфей. Мытарь.

Я открыл глаза и отошел на другую сторону платформы. Впрочем, в образовавшейся суматохе на меня и без того не обращали внимания.

Подошла электричка. Я вошел в вагон. Мне ведь все равно, куда ехать, а здесь я уже собрал свою дань — жизнь Олега, красоту Айшат, свободу Лёхи. Не побрезговал жалкими остатками человечности прибежавших милиционеров, ломавших дубинками ребра Лёхи, прибрал наивную веру в добро какой-то девочки, наблюдавшей все с самого начала.

Да, это был богатый улов. Не экстраординарный, нет, но — богатый.

Я нашел свободное место и окинул взглядом попутчиков. Два угрюмых парня читали одинаковые газеты. Бабулька с тележкой дремала, спрятав лицо в пушистый шарф. Напротив меня девушка лет шестнадцати с невероятной прической на голове, в кожаных штанах и кожаной куртке с избытком заклепок, сердито таращилась в окно. Я закрыл глаза.

«Как они меня достали! Я уже не ребенок! Хватит за мной следить! Что хочу, то и буду делать! У всех родители — как родители, одной мне «повезло» — ничего не скажешь! Как бы избавиться от них...»

— Привет! — я улыбнулся и дружески подмигнул ей.

— Привет! Чего надо? — ответила грубо, но в глазах интерес. Она видит перед собой то, что хочет — высокого мускулистого парня в косухе, кожаных брюках и крутых ньюороках. Лицо кажется ей незнакомым... или знакомым? Длинные прямые волосы мешают толком разглядеть. Да и наплевать, если незнакомый — с таким и познакомиться не грех.

— Матвей. Меня зовут Матвей. Я мытарь. — Девушка недоуменно смотрит на меня. Да, современные дети бывают угнетающе невежественны...

— Не беспокойся. Я — добрый мытарь, забираю у людей только то, что они сами готовы отдать. Достаточно только попросить.

«Сказки безумного дервиша», Москва. 2006 г.